
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

УДК: 821.131.1

DOI: 10.31249/lit/2024.04.05

ЛОЗИНСКАЯ Е.В.¹ ДИСПУТЫ О ПОЭЗИИ В ИТАЛИИ В XV в.:
БОЖЕСТВЕННОЕ И / ИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты диспутов о поэзии в XV в., которым исследователями уделяется меньше внимания, чем трактатам эпохи Чинквеченто или, напротив, более ранним концепциям Муссато, Данте, Боккаччо, Петрарки. Поэтологи XIV–XV в. оттачивали аргументы в области защиты (или поругания) поэзии в рамках средневековой поэтологической топики, но тем самым подготавливали тот момент, когда ее достоинство долее не будет подвергаться сомнениям, и теория сможет перейти к вопросам поэтического мастерства. На материале нескольких малоизвестных в отечественной науке сочинений, а также несколько лучше изученных трактатов Салутати, Бруни и флорентийских неоплатоников будут охарактеризованы тематические комплексы, вокруг которых была сосредоточена поэтологическая мысль XV в.: аргументы за и против божественного происхождения поэзии и ее место по отношению к другим видам интеллектуальной деятельности; аллегория в поэзии и в Писании; проблема идолопоклонства античных поэтов и теория их тайного единобожия; влияние поэзии на нравы читателей; природа поэтического творчества.

---

¹ Лозинская Евгения Валентиновна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; jane.lozinsky@gmail.com

Ключевые слова: Колуччо Салутати; Джованни Доминичи; Франческо Фиано; Джироламо Савонарола; Эрмолао Барбаро; Кристофоро Ландино; неоплатонизм; *furore poetico*; аллегория.

Для цитирования: Лозинская Е.В. Диспуты о поэзии в Италии в XV в. : божественное и / или человеческое // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 4. – С. 76–93. – DOI: 10.31249/lit/2024.04.05

Поступила: 25.06.2024

Принята к печати: 30.07.2024

LOZINSKAYA E.V.¹ Disputes on poetry in fifteenth-century Italy: the divine and / or the human

Abstract. This article examines some aspects of the disputes about poetry in the fifteenth century, which have received less attention from scholars than the treatises of the Cinquecento period or, on the contrary, the earlier conceptions of Mussato, Dante, Boccaccio, and Petrarch. Poetologists of the fourteenth and fifteenth centuries honed their arguments in defence (or defamation) of poetry within the medieval poetological topics, but in doing so they prepared the moment when its dignity would no longer be questioned and the theory could move on to questions of poetic mastery. On the material of several works little known in domestic scholarship, as well as a few better-studied treatises by Salutati, Bruni, and the Florentine Neoplatonists, several thematic complexes around which fifteenth-century poetological thought was centred will be characterised. These include: arguments for and against the divine origin of poetry and its place in relation to other intellectual activities; allegory in poetry and in Scripture; the problem of the idolatry of ancient poets and the theory of their secret monotheism; the influence of poetry on the mores of readers; and the nature of poetic creativity.

Keywords: Coluccio Salutati; Giovanni Dominici; Francesco Fiano; Girolamo Savonarola; Ermolao Barbaro; Cristoforo Landino; Neoplatonism; *furore poetico*; allegory.

To cite this article: Lozinskaya, Evgeniya V. “Disputes on poetry in fifteenth-century Italy: the divine and / or the human”, Social sciences and

---

¹ **Lozinskaya Evgeniya Valentinovna** – Senior Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; jane.lozinsky@gmail.com

humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2024, pp. 76–93. DOI: 10.31249/lit/2024.04.05 (In Russian)

Received: 25.06.2024

Accepted: 30.07.2024

При изучении ренессансных теорий поэзии наибольшее внимание уделяется трактатам XVI в., созданным после «переоткрытия» «Поэтики Аристотеля», чуть меньше изучаются теоретико-литературные взгляды Петрарки, Боккаччо и ренессансных неоплатоников. Однако в период между «Генеалогией языческих богов» и началом «века критики» теоретико-литературная мысль продолжала развиваться в разнообразных социальных и культурных средах. Так, в начале XV в. во Флоренции полемизировали о поэзии один из родоначальников гуманизма, знаменитый флорентийский государственный деятель Колуччо Салутати и доминиканский монах, архиепископ Рагузы¹, дипломат и писатель Джованни Доминичи. Перу второго принадлежит небольшой трактат «Светлячок» (*Lucula noctis*, с. 1405), в котором обсуждаются гуманистические штудии в целом, а также полезность обращения к языческим поэтам и подражания им. Салутати неоднократно затрагивал эти темы в своем обширном эпистолярном наследии, кроме того, теория поэзии стала предметом первой книги его большого трактата «О подвигах Геракла» (*De laboribus Herculis*, оконч. ред. 1391). В Риме примерно в то же время развернулась дискуссия, спровоцированная оратором, обильно цитировавшим античных поэтов в речи, прочитанной перед папой римским. Одной из реплик в этом споре стала защита поэзии, созданная Франческо да Фиано, – «Против смехотворных порицателей и ядовитых поносителей поэтов» (*Contra ridiculos oblocutores et fellitos detractores poetarum*, 1404). И все же центром поэтологических штудий была Флоренция. Друг и последователь Салутати, историк и филолог Леонардо Бруни создал свою защиту поэзии, поданную в контексте вопросов женского образования, – «О научных и литературных занятиях» (*De studiis et de litteris*, 1427). Во Флоренции, но уже во второй половине века, под патронатом Медичи и вокруг Марсилио Фичино возникла Академия неоплатонического толка (осн. в 1462 г.). К ней были близки и такие теоретики поэзии, как

---

¹ Причислен к лику блаженных в 1832 г.

Кристофоро Ландино и Джованни Пико делла Мирандола. В Неаполе существовала сходная по направлению академия во главе с Джованни Понтано. Особенно важно, что именно во взаимодействии с флорентийскими неоплатониками создавалась довольно оригинальная и систематическая томистская теория поэзии Джироламо Савонаролы, изложенная в маленьком трактате «Апологет о методе поэтического искусства» (*Apologeticus de Ratione Poeticae Artis*, 1492). Дискуссии об античном литературном наследии в контексте образования проходили во второй половине XV в. в Вероне, где при дворе епископа Эрмолао Барбаро собрался небольшой кружок гуманистов, включавший в себя Антонио Беккариа, Тимоtheo Маффеи, Бартоломео да Лендинара и др. Они обсуждали вопросы классической учености и поэзии в основном применительно к образованию [Branca, 1973; Kallendorf, 1999; Frank, 1999].

Это никоим образом не исчерпывающий список поэтологов XV в., к тому же поэтика могла всплывать в текстах, где обсуждались другие темы – например, формирование современного «гуманистического» латинского языка, связь его с классической латынью и подражание классикам в том, что касается стиля¹. Тем не менее нельзя не отметить, что поэтологических текстов в XV в. создавалось намного меньше, чем в эпоху Чинквеченто, тематика их намного менее вариативна, как, впрочем, и позиции авторов по любому вопросу. И прежде всего поэтологов того времени волновало, имеет ли вообще поэзия право на существование. Поэзия в восприятии людей, рассуждавших о ней, – это в первую очередь поэзия античная², а значит, она требует защиты – в силу того, что не является христианской. Особенно актуальной эта потребность становилась при обсуждении вопросов образования. Можно ли

---

¹ «Вопрос о языке», т.е. о вольгаре и правильном итальянском стиле, в XV в. потерял актуальность, чтобы вновь вернуться на передний план в следующем столетии.

² Серьезные размышления о современной поэзии начнутся уже в XVI в. Редкие исключения – в лице Данте и Петрарки, воспринимавшихся наравне с авторами классическими, о чем свидетельствует, в частности, наличие комментариев к их произведениям, сразу возводившее их в ранг *auctores*, – лишь подтверждали это правило. Если комментарий писался к тексту других авторов (Кавальканти, Бенивьени), они сразу переводились в разряд философов, а их произведение (лирическое, как правило) – в род философии.

юношеству читать античных поэтов, хотя бы в рамках изучения грамматики? Каким образом поэзия влияет на нравственность и благочестие читателей?

В предшествующих, XIII и XIV, веках в Италии уже существовала довольно мощная традиция защиты поэзии и противоположная ей – если не поругания, то низведения до уровня инструментальной дисциплины. К первой принадлежали Муссато, Боккаччо и Петрарка, отстаивавшие божественный или квазибожественный статус поэзии, ко второй – авторы-схоласты, основывавшиеся на тезисе Аквината о недостатке истины в поэзии и принципиальном различии аллегории теологов и аллегории поэтов¹ [Эко, 2003, с. 100–106]. Однако проблема, затронутая этими авторами, была комплексной, они очевидным образом не могли исчерпать доводы за и против, поэтому неудивительно, что поэтологи конца XIV и всего XV в. продолжили оттачивать аргументы в области защиты или поругания поэзии. Тем самым они подготавливали тот момент, когда ее достоинство будет окончательно утверждено, защитники поэзии, казалось бы, победят² и теория сможет перейти к вопросам поэтического мастерства.

Теория поэзии XV в. обычно рассматривается в рамках учения Пауля Оскара Кристеллера [Kristeller, 1961] о существовании гуманистического и схоластического направлений в мысли Ренессанса, каждое из которых доминировало в своей области знания: схоластика – в логике и натуральной философии, гуманизм – в риторике и моральной философии. В этом духе написана, например, книга Кончетты Гринфилд [Greenfield, 1981], одна из наиболее известных работ по поэтологии того времени. Однако, как нам представляется, следует учитывать, что схоластики и гуманисты существовали в едином интеллектуальном пространстве, обсуждали, в том числе и непосредственно друг с другом, вопросы, представлявшие им актуальными. Специфика литературной теории того времени в полной мере отвечает общей характеристике интеллектуальной жизни, которую дал Г.К. Косиков: «...ренессансный гу-

---

¹ Поэтологическая теория Данте, как известно, представляет собой мостик от одной концепции к другой, высокий статус поэзии он обосновывает в томистских терминах, приравнивая аллегории теологов и поэтов.

² На самом деле теоретики поэзии следующего столетия восприняли тезисы как ее защитников, так и ее хулителей.

манизм возник отнюдь не на развалинах Средних веков, а, наоборот, в плотном средневековом окружении» [Косиков, 2001].

Божественное происхождение поэзии: аргументы за и против

Божественное происхождение поэзии – привычный для защитников поэзии топос, в итальянской поэтологической традиции восходящий к падуанскому предгуманисту Альбертино Муссато и Джованни Боккаччо [Witt, 2015]. В XV в. его в сильной форме продолжали разрабатывать преимущественно неоплатоники. Ярким примером приверженности этому топосу стал комментарий к «Комедии» Кристофоро Ландино (1480), где поэты уподобляются Господу и *vice versa*: «И превысший Господь – поэт, а мир его – поэма. Как Господь располагает творение, т.е. видимый и невидимый мир, который он сотворил с использованием числа, меры и веса <...>, так и поэты составляют свою поэму с помощью числа стопами стиха, мерой долгих и кратких слогов, весом мыслей и чувств»¹. Божественность поэзии Ландино основывает (ссылаясь на «Сатурналии» Макробия) и на имени Аполлона, означающего, по его мнению, «единственный», не имеющий в себе множественности². Все остальные античные боги и их силы символизируют атрибуты истинного Бога, а девять муз – ангельские хоры³. Древность и непрерывность поэтической традиции также является у Ландино доводом в пользу ее божественного происхождения.

---

¹ «Et è Idio <sommo> poeta, et è el mondo suo poema. Et chome Idio dispone la creatura, i. el visibile et invisibile mondo che è sua opera, in numero, misura, et peso, <...> chosi el poeta chol numero de' piedi, con la misura delle syllabe brevi et lunghe, et col pondo delle sententie et de gl' affecti costituiscono el lor poema...» [Landino, 2005, div. «Natura e origine della poesia»]. (Здесь и далее перевод мой, если иное не оговорено особо. – Е. Л.)

² «Nè altro intendono per Apolline se non el < sommo > Dio, el quale è unico et senza pluralità, chome in greco dinota questo nome Apollo. Et Macrobio ne' suoi Saturnali volendo dimostrare la singularità divina, et confutare la pluralità, tutti e nomi di diversi iddii et ogni loro potentia riferisce ad Apolline» [Landino, 2005, div. «Natura e origine della poesia»].

³ «...tutti e nomi di diversi iddii et ogni loro potentia riferisce ad Apolline. Sono adunque in tutela d' Apollyne, et delle nove muse, i. de' nove angelici chori [Landino, 2005, div. «Natura e origine della poesia»].

Это радикальное и проработанное воплощение топоса, который в исходном, намного более сдержанном, виде, например у Боккаччо, всего лишь предполагал, что поэзия – особый дар, дарованный Господом людям. Тем не менее и там присутствовала формула, граничащая с ересью, – *ex sinu dei procedens* (из лона Господнего происходящая) (*Gen. deorum*, 14:7), на которую впоследствии обратили внимание церковные авторы, в том числе веронский епископ Эрмолао Барбаро. Один из участников сложившегося вокруг него кружка, францисканец Бартоломео <да Лендинара> в послании в защиту поэзии и ученых занятий¹ определял поэзию вслед за Боккаччо как «сообщенный немногим умам и происходящий из лона Господня способ изящно находить предметы, или говорить, или писать»². Эта формулировка вызвала возражение Барбаро, указавшего в «Речах против поэтов» (*Orationes contra poetas*, с. 1455), что лона Господне означает духовноеместилище, к которому никто не имеет доступа, кроме других ипостасей Св. Троицы. Говорить, что поэзия происходит из божественного Лона, означает утверждать, что поэзия и есть сам Бог [Barbaro, 1972, p. 109].

Место поэзии в кругу наук и искусств

Каково бы ни было происхождение поэзии, для любого автора того времени оставался актуальным вопрос о ее отношении к другим видам интеллектуальной деятельности. Оставим в стороне проблему, чем является в восприятии интеллектуалов прошлых эпох поэзия – *facultas* (способностью), *ars* (искусством – в смысле приобретаемого навыка) или *scientia* (разновидностью знания об истине), – в целом плохо отрефлектированную в современной науке и требующую подробного рассмотрения, и обратимся к тем ее аспектам, которые непосредственно связаны с рассматриваемой в статье темой. Божественное происхождение поэзии, несомненно, должно было связать ее с теологией, и такая линия рассуждения действительно имела место в предшествующем столетии: Альбер-

---

¹ Послания фра Бартоломео не сохранились и известны по пространным цитатам в *Orationes* Э. Барбаро.

² “*Ais poesim sic definitam esse quandam exquisite inveniendi aut dicendi aut scribendi qui ex sinu dei procedens paucis mentibus in creatione conceditur...*”

тино Муссато называл поэзию «второй теологией»¹ [Mussato, 2020, р. 351], утверждая, что «Муза посредством мистических речений учит тем же основам, о которых говорится в книге Бытия простыми словами»² [Mussato, 2020, р. 198]. Чуть позже Боккаччо и Петрарка высказывались более осторожно, проводя обратную аналогию и обнаруживая поэзию в Св. Писании. Так, Петрарка пишет: «Поистине, поэзия ничуть не противоположна теологии. Чудеса? Я почти готов сказать, что теология – поэзия о Боге» (Fam., X:4). Сходные рассуждения можно найти и у Боккаччо в «Генеалогии языческих богов» и в «Жизни Данте»: «теология – это поэзия, воспевающая Бога» [Боккаччо, 1975, с. 555]. В XV в. идея общности или сходства поэзии и теологии переходит в арсенал авторов, выстраивающих мировоззренческие системы неоплатонического, герметического, эзотерического и т.п. рода. Так, Джованни Пико делла Мирандола, например, планировал создать особую поэтическую теологию [Pico della Mirandola, 2004]. Но в целом в эпоху Кваттроченто преобладало более «человеческое» понимание места поэзии.

В этом проблемном поле можно выделить два противоположных направления мысли. Во-первых, активно развивалась идея поэзии, вбирающей в себя все прочие науки и / или искусства, своего рода синтеза интеллектуальной активности человека. Так, Колуччо Салутати в трактате «О подвигах Геркулеса» посвящает доказательству этого всю третью главу первой книги, и ее рубрика³ гласит: «Что поэзия есть искусство и каков ее предмет, и что она включает все искусства и по своей природе совершенна» [Salutati, 2003, L. 1, cap. 3]. Далее он раскрывает эту мысль и подводит итог: «Соединяя в одно и то же время целостность грамматики, свойства логики, красоты риторики, заимствуют у арифметики числа, у геометрии меры, у музыки мелодии, у астрологии уподобления, из этого всего созидавая повествование или же искусство поэзии, которое одно достойно благодаря своей возвышенности и красоте опираться на превосходство творения и особенно человека, и восхвалять

---

¹ “Altera quae quondam Theologia fuit”. Ep. 7:22.

² “Que Genesis planis memorat primordia verbis, nigmate maiori mystica musa docet”. Ep. 4:47–48

³ Сверхкраткое изложение содержания некоторой части текста, служащее отчасти ее подзаголовком.

божественные вещи и невыразимое божество восславлять»¹ [Salutati, 2003, L. 1, cap. 3].

В своем последнем, незаконченном послании, адресованном Джованни Доминичи, которое представляет собой по сути дела небольшой трактат, Салутати рассматривает последовательно свободные искусства и завершает их ряд поэзией. Б. Уллман отмечает, как сама структура письма к Джованни Доминичи свидетельствует, что поэзия входит в число свободных искусств, но не в качестве восьмого искусства, а как первая среди равных, вбирая в себя все прочие дисциплины [Ullman, 1963, p. 68]. Кристофоро Ландино заходит дальше в «Диспутах в Камальдоли» (*Camaldulensium Disputationum*, 1473): «Поэзия не относится к тем искусствам, которые наши предки называли свободными потому, что они намного превосходили все остальные... но она еще более божественная вещь, которая восполняет недостаточность всех остальных»² [Landino, 2004].

Вторая линия рассуждений включает поэзию в область философии, но если ранее, в начале XIV в., это служило скорее ее возвышению, то теперь это способ снизить ее значимость. Так, авторы томистского направления нередко включали ее в область рациональной философии. Особый интерес здесь представляет концепция Савонаролы. Основание для включения поэзии в рациональную философию у него таково: содержание поэзии – особого рода силлогизм, называемый Аристотелем *paradeigma* (*exemplum*), подобно тому, как содержанием риторики является энтимема. Савонарола придерживался традиционного томистского представления о том, что цель поэзии – репрезентация, вызывающая этическую и психологическую реакцию в читателе. Однако если Фома Аквинский считал, что это происходит посредством риторического приема

---

¹“Simul etenim congruitatem grammaticae, logice proprietatem, ornatumque rhetorice coniungentes, ab arithmetica numeros, a geometria mensuras, a musica melodias, ab astrologia vero similitudines mutuarunt, ex his omnibus narrationem sive artem poeticam componendo, que sola digna foret sublimitate et pulchritudine sua excellentiam creaturarum et presertim hominum prosequi et commendationi divinarum rerum ac inenarrabilis deitatis laudibus adhiberi”.

²“...non esse illam unam ex iis artibus: quas nostri maiores quoniam reliquis excelliores sunt liberales appellarunt... sed est res quaedam divinior, quae universas illas complectens certis quibusdam numeris astricta”.

уподобления (*similitudo*), то Савонарола видел в этой роли *exemplum*, т.е. элемент логики. Слабость поэзии он находил в том, что отсутствие обобщения ослабляет убедительность подобного силлогизма, поэтому он нуждается в дополнительных средствах. Эту функцию выполняют метр, ритм, а также риторические украшения [Savonarola, 1864, p. 60].

«Истина под покрывалом вымысла»: аллегория в поэзии и в Писании

Этот старый топос, присутствовавший в теориях поэзии с поздней Античности и раннего Средневековья, разумеется, встречается и в большинстве гуманистических текстов о поэтике, наследующих в этом плане «Генеалогии языческих богов» Боккаччо. Стоит, однако, привести один пример, в котором использование этого топоса практически лишает поэзию поэтической сущности. Джованни Пико делла Мирандола в «Комментарии на Канцону о любви Джироламо Бенивьени» (1486) рассматривает ее не как поэтическое произведение, а как вместилище тайных смыслов и божественных истин. Хотя ее автор именуется Поэтом, его задача, в понимании Пико, вполне философская – показать простцам лишь внешнюю оболочку тайн любви, оставив сердцевину истинного смысла для самых возвышенных и совершенных интеллектов. Это правило от века соблюдалось теми, кто писал о божественных предметах «под покровом загадки и поэтическим прикрытием» (*sotto enigmatici velamenti e poetica dissimulazione*) [Pico della Mirandola, 2004].

Этот топос полностью отвергался авторами схоластического направления, которые не восприняли учение Шартрской школы. Ему наследовали скорее гуманисты. Салутати, в целом не акцентировавший профетический характер поэзии, в письме Дзонарини «вчитывает» в тексты Вергилия не только единобожие, но и идею троичности и вечных мук грешников [Ullman, 1963, p. 65]. Такое вчитывание совершенно невозможно для авторов-томистов. Джованни Доминичи утверждал, что истинная философия рождена в простоте. Невозможно, чтобы в языческих произведениях под покровом аллегории скрывалась истина, источником которой может быть только Откровение, но не разум. А языческая поэзия основа-

на на разуме и, следовательно, может содержать не истину, а лишь неточные человеческие суждения. Что же касается аллегорического прочтения языческих текстов, то христианину «по природному закону запрещается вычитывать в ложном истинное»¹ [Dominici, 1908, p. 179]. «Следует понимать вещи согласно тому, что в них действительно есть, а не согласно всем смыслам, которые можно им приписать»² [Dominici, 1908, p. 195]. Аллегория в Писании однозначна и имеет свое собственное и четко установленное значение, в то время как метафоры в поэзии по-разному интерпретируются разными толкователями – часто противоположным образом, поэтому поэтическая метафора и аллегория затуманивает, а не проясняет факты.

Савонарола также использует ортодоксальную томистскую семиотику аллегории. Буквальный смысл иносказания заключается не в сумме значений слов, как это понимают грамматик и поэты, а в событии, которое подразумевается их автором, и оно, во-первых, исторично, во-вторых, связано с Божественным Промыслом. Следовательно, духовный смысл имеется только у Писания. Отсюда различия в использовании метафор теологами и поэтами. Цель первых – перевести высокую и непостижимую истину в человеческое измерение. Поэты же скрывают под метафорами не истину, а слабость основанных на вышеупомянутом силлогизме аргументов, которые не были бы привлекательными, если их представить без прикрас [Savonarola, 1864, p. 55].

Были ли античные поэты идолопоклонниками?

Этот вопрос волновал многих гуманистов, которые при всем интересе к Античности и преклонении перед auctores, оставались верными католиками. Для церковных авторов идолопоклонство поэтов несомненно, и здесь представляют больший интерес аргументы «против». Салутати в трактате «О подвигах Геракла» остроумным образом переворачивал тезис о сомнительности содержания поэтических текстов: поэты уже знали, что их боги на самом деле – демоны, и в своих произведениях обнажали ложь со-

---

¹ “...legere falsa pro veris prohibitum est etiam a lege naturae”.

² “Quod primum notari oportet quod omnium dicta debent intelligi secundum sensum in quem fiunt et non secundum omnem sensum quem efficere possunt”.

временных им представлений о богах, изображая их аморальные деяния [Salutati, 2003].

Франческо да Фиано опровергал тезис об идолопоклонстве, прибегая к позитивным аргументам: он доказывал, что античные поэты почитали единого Бога. По мнению Фиано, боги в классической поэзии символизируют различные атрибуты единого Бога, например Аполлон – мудрость, Меркурий – красноречие. Они также могут означать святых. Не будучи христианами, античные авторы подошли к истине максимально близко, и Фиано стремится проиллюстрировать цитатами идею монотеизма классиков [Plaisant, 1961]. Более того, как отмечает Х. Бэрн, концепция тайного единобожия поэтов, разработанная предшествующими гуманистами, сменяется у него идеей «древнего единобожия, предполагающей имплицитный монотеизм античной культуры в целом» [Baron, 1955, p. 275–278].

Каково влияние поэзии на юношество и на нравы читателей в целом?

Античная поэзия не только говорила о ложных богах, но и нередко описывала предосудительные деяния, поэтому многие авторы ставили вопрос о возможности ее использования в обучении юношества.

Джован Франческо Пико делла Мирандола в трактате «Об изучении божественной и человеческой философии» (*De studio divinae et humanae philosophiae*, 1496) рассказывает, как, увлекаясь поэзией в детстве и юности, в более зрелые годы отказался от подобного чтения, прибегая к нему не чаще трех раз в пять лет, поскольку почувствовал, что оно «размягчает его душу» (*animum emmolire sentiebam*) [Pico della Mirandola G.F., 1702, p. 55]. В другой своей работе «Сравнение тщеты языческой науки с истинностью учения христианского» он показывает, каким образом поэзия может располагать ко злу: «у Еврипида люди могут найти оправдание неблагочестию», Алкей и Анакреон подталкивают к нечистой и низкой любви и пьянству, Архилох и Гиппонакс – ко гневливости [Pico della Mirandola G.F., 2022, p. 316]. Ранние христианские авторы могли находить пользу в языческих авторах, но в настоящее время мы располагаем христианской благочести-

вой поэзией, которая намного выше античной благодаря превосходству своего предмета.

Джованни Доминичи также отвергает языческую поэзию, допуская пользу от чтения поэзии христианской: Петрарка, Данте, Пруденций, Седулий, Аратор скрывают под покровом вымысла христианские истины [Dominici, 1908, p. 94–95]. Савонарола занимает чуть более мягкую позицию. Поэты вредят юношеству, увлекая его баснями о дурных поступках и пороках, распространяют ложь и идолопоклонство, поэтому Платон изгнал их из своего государства, и его примеру должны последовать современные власти, отвергнув чуждые добродетели книги. Тем не менее некоторые поэты, которые писали гимны богам и воспевали подвиги героев, заслуживают сохранения, поскольку использовали поэзию в соответствии с ее истинной функцией [Savonarola, 1864, p. 57–58].

Участник веронского кружка Антонио Беккариа, признавая наличие в поэзии недостойных сюжетов, подчеркивает в «Защитительных речах против тех, кто называет красноречие и языческие книги и лучших поэтов неподобающими для чтения христианином» (*Orationes defensoriae... adversus quosdam qui dicebant eloquentiam et gentilium libros, et maxime poetas, non esse a christiano viro legendos*), что она была создана для облегчения учащимся освоения наук: захваченные сладостью поэзии, юноши проявляли больше усердия в учебе. Однако некоторые виды поэзии (героическая и элегическая) должны изучаться в первую очередь, а другие (лирическая, сатирическая, трагическая) – лишь после того, как ученики достаточно окрепнут в христианской вере. При этом Беккариа убежден в естественной склонности человека к добродетели, на которую не может повлиять изображение дурных нравов, а стало быть, любому здравомыслящему человеку очевидно, что греховные поступки, описанные поэтами, не могут служить примером для подражания [Ronconi, 2008].

Салутати утверждал, что чтение классической поэзии не несет в себе опасности обращения читателя в язычество. В конце концов, язычниками были не только поэты, но и грамматик, но никто не предлагает отказаться от изучения их трудов по этой причине. Многие Отцы Церкви читали и цитировали античных поэтов. Поэзия, представляющая дурной предмет, может быть ис-

толкована как совет избегать описываемого поведения, и тем самым приносит пользу. Так, Овидий, казалось бы, восхваляет любовь, но вначале он показывает ее в цепях, из чего мы можем вывести, что на самом деле описанная Овидием любовь – это нечто дурное, и увидеть в его творениях полезные поучения. Кроме того, Салутати предлагает различные объяснения неблагочестивому поведению героев (например, женитьбе Энея на Дидоне), ссылаясь на исторический контекст, соблюдение декорума в изображении характера и вплоть до обусловленности таких эпизодов специфической их аллегорического истолкования (если Эней иносказательно представляет душу, проходящую через шесть возрастов человека в I–VI книгах, то описанные в III книге события должны нести в себе некоторую непредсказуемость, соответствуя ранней юности). В другом месте он оправдывает поэзию ссылкой на Библию, указывая, что и в ней неоднократно описано прелюбодеяние и другие дурные поступки и это не влияет на истинность ее содержания [Salutati, 2003].

Леонардо Бруни подчеркивает когнитивную и образовательную роль поэзии, наличие в ней множества сведений, полезных для жизни человека разного состояния, от обычных людей до государственных деятелей. Немногочисленные любовные фабулы, которые можно назвать аморальными, в классической поэзии компенсируются историями супружеской верности. Сюжеты, связанные с греховным поведением, могут и должны истолковываться аллегорически, – и более того, будучи вымыслами, они не оказывают на нас никакого морального воздействия; восхищение у нас вызывает лишь изящество, с которым они рассказаны [Bruni, 1496].

Божественная одержимость или сознательный акт: природа поэтического творчества

Проблема соотношения божественного и человеческого в поэзии получила воплощение и в вопросе о поэтической одержимости. Очевидно, что для ортодоксальных томистов подобное явление в принципе невозможно, поскольку поэзия – часть рациональной философии. В ином случае, в первую очередь, когда признавался в той или иной степени божественный источник поэ-

зии, а следовательно, проводилась аналогия между пророками и поэтами, идея *furore divinum* могла присутствовать в том или ином виде.

Антонио Беккариа трактует *furore divinum* скорее как первоначальный толчок к творчеству. Божественная инспирация пробуждает в человеке его природный дар (*ingenium*) и побуждает оставить все прочие занятия, подобно святым подвижникам, отдающимся религиозному опыту [Ronconi, 2008, p. 101]. Сходную версию излагает и Салутати: поэты воодушевлены воздействием Бога, и поэтому их и называют пророками (*vates*). Однако одного этого воздействия недостаточно для создания поэтического произведения, и поэт должен обладать определенными техническими навыками. Мастерство поэта состоит в том, чтобы найти слова для выражения своих наблюдений над природой. Поэтому к врожденному таланту требуется добавить знание определенных творческих техник, в первую очередь стилистических [Salutati, 2003].

Для Бруни также несомненно сходство между пророками и поэтами, вторые, как и первые, способны читать будущее. В поэте мы должны распознавать одержимость внешней силой, более мощной, чем он сам. Бруни раскрывает этот тезис таким образом: поэзия – инструмент переноса Божественной гармонии с Небес на землю через душу поэта, поэтому поэтическая одержимость является проявлением вечного соответствия между микрокосмом и макрокосмом [Bruni, 1496]. Впрочем, поэту нужны и человеческие качества: воображение, или способность создавать вымыслы; изящество речи; знание различных наук.

В целом можно сказать, существовала более или менее «рациональная» трактовка поэтической одержимости, совмещающая идею инспирации и человеческий талант. В противоположность этому неоплатонические теории поэтической одержимости подчеркивают иррациональные аспекты поэтического творчества. У Кристофоро Ландино поэзия порождается стремлением души слиться с небесной гармонией, поскольку до того, как спуститься в тело, душа пребывала на небесах, созерцая Бога и Божественные мудрость, справедливость, согласие и красоту. После вхождения в тело душа забывает свой небесный опыт до тех пор, пока вновь не приобретет это знание посредством подражания Божественной

гармонии в музыке и поэзии. Ландино находит три доказательства существования божественной одержимости: во-первых, это универсальность поэтического, недоступная иначе, чем от Бога; во-вторых, поэты часто творят бессознательно и, очнувшись, не помнят, как произносили свои стихи, как будто их устами говорил сам Бог, а не они сами¹ [Landino, 2005]; в-третьих, лучшие поэты – это не те, кто учился ремеслу с детства, а те, кто следует в своем творчестве божественному вдохновению. Когда божественная мудрость желает нам показать, что поэтические произведения не создаются людьми, а даруются им свыше, Музы вселяются в неискующего в поэзии человека, наделяя его способностью творить прекрасные поэмы.

У Фичино поэзия сближается с пророческой активностью и сновидениями: все они представляют собой разновидности состояния, при котором душа покидает тело и становится открыта божественному влиянию. Джованни Понтано в диалоге «Акций» (1499) также связывает поэзию через идею воображения со снами особого рода. Обычные сны возникают вследствие действия разнообразных телесных факторов, пророческие же сны – результат воздействия ангельских и демонических сил, развертывающих перед визионером образы настоящего и будущего. Поэтический сон ближе ко второй категории, он представляет собой конфигурацию образов, содержанием которых, с одной стороны, является некоторая рациональная истина, с другой – эти образы носят отчетливо аллегорический характер, а их происхождение – внешнее по отношению к человеку [Pontano, 1538, p. 202].

***

XV в. был эпохой, когда состязались между собой и сопрягались друг с другом две модели поэзии: в одной поэзия представлялась как божественный дар, более того, как следствие сверхъестественного воздействия на человека, в другой – как человеческая деятельность, на которую влияют сугубо земные факторы, связанные с личностью поэта. Одновременно с этим раз-

---

¹“...infuriati, molt cose stupende cantano, le quali di poi cessato il furor e appena essi medesimi l'intendono, come se non essi lo abbiano proununciato, ma Iddio per la bacco loro”.

вивались разнообразные идеи относительно совместимости поэзии с христианской жизнью и моралью.

Список литературы

1. *Боккаччо Д.* Малые произведения / предисл. и общая редакция Н. Томашевского. – Ленинград : Художественная литература, 1975. – 608 с.
2. *Косиков Г.К.* Средние века и Ренессанс. Методологические проблемы // Зарубежная литература второго тысячелетия, 1000–2000 : учеб. Пособие / под ред. Л.Г. Андреева. – Москва : Высшая школа, 2001. – С. 8–39. – URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/kosikov8-ru>
3. *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике. – Санкт-Петербург : Алетей, 2003. – 256 с.
4. *Barbaro E.* Orationes contra poetas ; Epistolae / ed. di G. Ronconi. – Florence : G.C. Sansoni, 1972. – 184 p.
5. *Baron H.* The crisis of early Italian Renaissance : civic humanism and republican liberty in an age of classicism and tyranny. – Princeton : Princeton univ. press, 1955. – Vol. 1. – XXX, 378 p.
6. *Branca V.* Ermolao Barbaro and late Quattrocento Venetian humanism // Renaissance Venice / ed. by J.R. Hale. – London : Faber and Faber, 1973. – P. 218–243.
7. *Bruni L.* De studiis et de litteris. – [1496]. – URL: http://www2.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost15/Bruni/bru_stuo.html. – Подгот. по: Lipsiae : Wolfgangi de Monaco, 1496.
8. *Bruni L.* Dialogi ad Petrum Paulum Histrum // Prosatori latini del Quattrocento / ed. by E. Garin. – Milan ; Naples : Riccardo Ricciardi, 1952. – URL: <http://www.archive.org/details/prosatorilatinid000794mbp>
9. *Dominici I.* Lucula noctis / ed. par R. Coulon. – Paris : Librairie Alphonse Picard & Fils, 1908. – 470 p.
10. *Frank M.E.* Le insidie dell'allegoria : Ermolao Barbaro il Vecchio e la lezione degli antichi. – Venice : Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 1999. – VIII, 134 p.
11. *Greenfield C.C.* Humanist and scholastic poetics, 1250–1500. – Lewisburg : Bucknell univ. press, 1981. – 337 p.
12. *Kallendorf C.* From Virgil to Vida : the poeta theologus in Italian Renaissance commentary // Journal of the history of ideas. – 1995. – Vol. 56, N 1. – P. 41–62.
13. *Kallendorf C.* Virgil and the myth of Venice : books and readers in the Italian Renaissance. – Oxford ; New York : Oxford univ. press, 1999. – 251 p.
14. *Kristeller P.O.* Renaissance thought : the classic, scholastic, and humanist strains. – New York : Harper, 1961. – 196 p.
15. *Landino C.* Christophori Landini Florentini Camaldulensium Disputationum ad Illustrem Federicum Urbinatum Principem Liber Tertius In P. Virgilii Maronis Allegorias Incipit Feliciter [publ. digitale]. – Roma : Biblioteca Italiana, 2004. – URL: <http://www.bibliotecaitaliana.it/testo/bibit000875>. – Подгот. по: Landino C. Scritti critici e teorici / ed. by R. Cardini. – Rome : Bulzoni, 1974.–2 v.

16. *Landino C.* Comento di Cristophoro Landini Fiorentino sopra la Comedia di Dante Alighieri poeta Fiorentino [publ. digitale]. – Roma : Biblioteca Italiana, 2005. – URL: <http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000669/bibit000669.xml>. – Подгот. по: I commenti danteschi dei secoli XIV, XV e XVI / ed. by P. Proccaccioli. – Roma : Lexis, 1999. – 3 v.
17. *Mussato A.* Epistole metriche / ed. crit. a cura di L. Lombardo. – Venezia : Edizioni Ca' Foscari, 2020. – 416 p.
18. *Pico della Mirandola G.* Commento sopra una canzone d'amore di Girolamo Benivieni [publ. digitale]. – Roma : Biblioteca Italiana, 2004. – URL: <http://www.bibliotecaitaliana.it/testo/bibit000827>. – Подгот. по: Pico della Mirandola G. Opere complete / ed. di Bausi F. – Roma ; Torino : Lexis Progetti Editoriali : Nino Aragno, 2000. – 1 CD-ROM.
19. *Pico della Mirandola G.F.* Examen vanitatis doctrinae gentium, et veritatis Christianae disciplinae / ed. N. Egel. – Hamburg : Felix Meiner Verlag, 2022. – 837 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=YGtuEAAAQBAJ>
20. *Pico della Mirandola G.F.* Io. Francisci Pici Mirandulae de studio divinae et humanae philosophiae libri duo. – Halae : Typis Orphanotrophii, 1702. – 169 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=tYcwGZCirrIgc>
21. *Plaisant M.L.* Un opuscolo inedito di Francesco da Fiano in difesa della poesia // Rinascimento. – 1961. – Vol. 1. – P. 119–162. – URL: <https://search.proquest.com/openview/d5eb0aa9df8433da3f3a253346c020b7>
22. *Pontano G.G.* Actius // Ioannis Iouiani Pontani... Opera quae soluta oratione composuit, omnia in tomos tres digesta Ioannis Iouiani Pontani. – [N.s.] : [N.l.], 1538. – P. 190–286. – URL: https://archive.org/details/bub_gb_9Vwey0tMT2gC
23. *Ronconi G.* Dispute umanistiche a Verona : le Orationes defensoriae di Antonio Beccaria e l'Accusatio litteraria di Giovan Mario Filelfo. – Verona : Archivio storico Curia diocesana, 2008. – 257 p.
24. *Salutati C.* De laboribus Herculis [publ. digitale]. – Roma : Biblioteca Italiana, 2003. – URL: <http://www.bibliotecaitaliana.it/testo/bibit000478>. – Подгот. по: Salutati C. De laboribus Herculis / edidit B.L. Ullman. – Turici : In aedibus Thesauri Mundi, 1951. – 2 v.
25. *Salutati C.* Epistolario di Coluccio Salutati : 4 v., 5 t. / a cura di F. Novati. – Roma : Forzani e C. tipografi del Senato, 1891–1911.
26. *Savonarola G.* Apologetico di frate Girolamo Savonarola, ossia Dell'ordine delle scienze e della ragione dell'arte poetica / volg. da V. Mattii ; con documenti inediti relativi alla vita del Savonarola. – Siena : Tip. Dell'Ancora di G. Bargellini, 1864. – 77 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=hqOxBRLsgBgC>
27. *Ullman B.* The humanism of Coluccio Salutati. – Padova : Antenore, 1963. – 298 p.
28. *Witt R.G.* The poeta-theologus from Mussato to Landino // The European legacy. – 2015. – Vol. 20, N 5. – P. 450–461.